

1856-1956

ІВАН ФРАНКО

Півори
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Том другий

ОПОВІДАННЯ І ПОВІСТІ

ДЕРЖАВНЕ ВИДАВНИЦТВО
ХУДОЖНЬОЇ ЛІТЕРАТУРИ

Москва 1956

ИВАН ФРАНКО

Сочинения
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Том второй

РАСКАЗЫ И ПОСРЕДЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1956

Издание осуществляется под общим наблюдением
А. И. Белецкого, М. Ф. Рыльского, Б. А. Турганова

ПЕРЕВОД С УКРАИНСКОГО

Редактор тома
Б. А. Турганов

*Бориславские
рассказы*

1876—1899

НА РАБОТЕ

І. При воротѣ

Что ж это такое? Сколько в Борислав хожу, а под землей еще не бывал! Знай только ворот верти, глину таскай да воздух в колодец накачивай! Да и какой у меня заработок! Восемь шисток в день! Живи на них или подыхай, что хочешь, то и делай, — хозяину наплевать!

А вот Матвей под землей работает, — в штольне... Ну, правда, говорит, угарно там, задохнешься, такое дело... Ишь, маменькин сынок! А сколько берет! Полтора серебром в день! Ну, да мне, ей-богу, не жалко. Только я-то хуже, что ли? Чем плох? Чего не хватает? Бояться — не боюсь, хоть самому черту в зубы пойду! Вот угарно там. Ничего, авось выдержу. А не выдержу, черт побери, так вылезу. Испытать все надо. А то как же? Восемь недель в Борислав хожу, а под землей и не бывал!

Вот поглядите только, как этот ворот проклятый вертится. И скрипит, несчастный, и ездит то туда, то сюда. Покамест бадью глины на-гора, на пятьдесят саженей, подашь, глаза на лоб вылезут! Верти да верти. Дух спирает, руки затекают, словно их ножом отрезало: нет, не бросай — верти дальше! Черта с два, стану я вертеть! Хотя бы поскорей завтра пришло. Завтра воскресенье. Ей-богу,

наймусь в колодец, в штольню! Век, что ли, тут за гроши работать?

А что там Федорова Марина поплачет, как доведается, — эге, прах ее возьми! Какое мне дело? И дома деньги нужны, и тут человеку как-то надо жить в компании, — а на эти злосчастные восемь шисток кой черт выдержит?

Ну, слава бсгу, суббота кончилась. Ох, рук не чую! Собака Иван, какой тяжелый! Побей его бог. Пока это горе-горькое из колодца вытянешь, подохнуть можно! Ну, да, может, я его в последний раз, каторжного, тащил!

А хозяева себе прохаживаются. Черт бы вам головы свернул! Руки, сучьи дети, на брюхе сложили, нарядились и прохаживаются между колодцами, смотрят, как люд христианский мучается, калечится, на них работаячи! Эх, правда, правда, где ты запропала? Не сидишь ли ты ненароком у этих нехристей в кармане?..

II. Договорились

— Здорово, Матвей! А Матвей и не повернется! Ишь, какой гордый! Думает, если по пятнадцать шисток в день гребет, так уж и пан! Ишь ты! Пятнадцать не пятнадцать, — двенадцать и я получу!

Эге! Хозяева-то, евреи — мудрые головы. Они, вижу, норовят человека до нитки обобрать, — так, чтоб и не приметил. Ну, а я какой? Разве не такой же? Да что уж — пропало, согласился за двенадцать, придется за двенадцать работать. Одно меня злит, что вот этому умнику по пятнадцать дают, а мне только по двенадцать. А почему? Разве я слабей его? Разве он лучше работает? Как бы не так!

Однако прихожу я к хозяину. «Что, Гриня?» — «Ничего», — говорю. «Зачем же ты пришел?» — «Так и так, — говорю, — хотел бы работать в колодце». — «Ну, хорошо! — говорит. — Работай, — говорит, — в колодце». — «А сколько дадите?» — спрашиваю. — «Как другим, так и тебе, двенадцать шисток». — «А чтоб вас, — говорю, — как по двенадцать? Я вот вижу, у вас по пятнадцать работают!» — «Кто работает? Где работает?» — спрашивает хозяин.

«А вот, Матвей, — говорю, — мой земляк, — говорю, — по пятнадцать берет». — «Какой Матвей? Что за Матвей?» — спрашивает хозяин. — «Да Матвей, — говорю, — из нашего села, вот тут, в пятой шахте с краю. Сказывал, по пятнадцать, говорит, беру». — «Не знаю я никакого Матвея! — говорит хозяин. — Он, верно, врет! Все по двенадцать получают, не по пятнадцать. Видно, твой Матвей нахвастал тебе».

Вот и толкуй с ним, как хочешь! Уперся — и ни с места, ни шистки не прибавляет. Что было делать? «Ну, — говорит хозяин, — не хочешь по двенадцать, — не иди! Я тебя не неволю! Верти ворот, — по восемь плачу!»

Верти ворот за восемь или за двенадцать в колодец лезь! Горе мое! А ворот мне страх как не хочется вертеть! Восемь недель я вертел ворот, и уж мне сдается — голова у меня кружится день и ночь, и свет кружится, и все. Да куда там — знай, верти да верти, крути да покручивай.

«Что ж, — думаю. — Так или иначе работать надо». Вот и согласился на двенадцать шисток. Чтоб тебя задавило! Подавись тремя шистками!

А он-таки — ну и собака, хозяин-то! — сбrehал. Все берут по пятнадцать. Обманул меня, нехристь, чтоб он пропал! А я только после обеда разузнал. Теперь уж поздно другое место искать, — все конторы заперты! Ну, уж это напоследки ты меня провел!..

III. После всех хлопот

Черт бы побрал этого брехуна! Нашел дурака! Ха, ха, ха!

«Не лезь, — говорит, — Гриня, в колодец, там угарно, не вылезешь живой!» — «А как же ты живой вылезешь?» — спрашиваю его. — «Я — другое дело! Я привык», — говорит Матвей. — «А пока привык, как было?» — «Да так было, — говорит он мне, — спрашивай, не спрашивай, — сам узнаешь!» Да еще: «Погоди, страху натерпишься один под землей на такой глубине! Такое будет тебе, приятель, что родная бабушка увидится!»

Ха, ха, ха! Ну и пройдоха Матвей! Толкует так, словно никого сильнее его нет! Я, мол, выдержу, а у вас силы не хватит! Ах, чтоб тебе, прямо чудеса!

Да еще допрашивает меня, как мальчишку: «А ты умеешь штольно копать? Крепить умеешь? А умеешь то-то? А умеешь то-то?» Пропади ты пропадом! Точно я на свете не жил! Я дома сам и сарай ставил и клеть пересыпал, — плотничал не раз и не два! А он думает, проклятый, будто кроме него никто ничего не понимает!

Эге-ге! И правда, чудной обычай у этих нефтяников! Посмотрите только, как они меня принимали к себе! Кто бы думал, что они, черти, такую комедию умеют ломать?.. Ха, ха, ха!

Как узнали, что я уже под землей работаю, сразу меня окружили, как воронье. «А, коли так, надо тебя посвятить, в рабочий круг принять! Айда к Кирницкому!»

Пришли мы, — пришлось пять кварт сивухи выставить для всей компании. Что делать? Выпили. «Ну, теперь, — говорят, — надо тебя окрестить, дружище!» — «Как окрестить?» — спрашиваю. «Э, ты больно шустрый, много будешь знать — скоро состаришься! Давайте платок, лоскут какой-нибудь!» Дали. «Ступай сюда!» — говорит Матвей. Я подошел, а он какой-то тряпкой завязал мне глаза. Фу, душно, едва дышу, да что поделаешь? «Становись на колени!» Я стал. «Кто ты такой?» — кричит мне Матвей. А другой шепчет: «Говори — нефтяник!» — «Нефтяник!» — говорю я. «Кто ты такой?» — «Нефтяник». — «Врешь, дурень! — закричало человек десять. — Разве ты на нефтяника похож? Вот разве теперь, так еще туда-сюда!» И с этими словами какой-то оборванец хлюп мне что-то густое на голову. Господи! Что это! Я вскочил, как ошпаренный. А они — в хохот. Я разозлился, платок срываю, вот тебе на, — нефть по мне течет. И рубаха белая, руки и волосы — все, все, точно из печи вынул.

— Что вы, взбесились или обалдели? — кричу в сердцах. А они хохочут еще громче:

— Ну, теперь ты настоящий нефтяник! Крещеный, как полагается. Эй, пан Кирницкий, водки, пива сюда! Обмыть нового товарища! Ха, ха, ха!

IV. Странный сон

Погоди-ка! Погоди-ка! Что это за чушь мне снилась нынче ночью? А ведь что-то страшное. Тьфу, так в голове и вертится, а вспомнить не могу. На окно, что ли, глянул, вставая?¹ Нет... Ага, ага, вспомнил, ей-богу, вспомнил!

Вот будто я стою над колодцем и смотрю вниз, в глубину. А он такой бездонный, такой темный, — прямо страшно. А меня уже обвязывают канатом, и вокруг бедер опоясали, становлюсь в бадью... «Ну!» — зовет кто-то (и кто его знает, откуда он!). Ворот только гур-гур-гур! Смотрю, а это я спускаюсь вниз, в глубину, да так медленно, едва колышусь в воздухе.

А надо мной и передо мной, вокруг меня всюду и подо мной все светлей, шире, просторнее. Дышать легко, свободно. И угара нефтяного ни капельки не слышать. Ничего. Смотрю, а я уже на лугу зеленом. Цветы вокруг меня пахучие и трава высокая, мотыльки летают, пчелы жужжат на цветах; кузнечики трещат, и птички покачиваются на бурьяне. Хорошо, просторно, весело. Солнышко греет с погожего неба. Так бы и пошел далеко-далеко, быстро, да не могу. Посмотрю на себя, а на мне все тот же канат, запачканный воском и нефтью, каким меня обвязали, когда спускался в колодец. А я стараюсь сбросить его, так стараюсь, так мучаюсь — и не могу.

А тут, откуда ни возьмись, какая-то женщина. Здоровая, красивая, а невеселая.

— Ну, — спрашивает меня, — как тебе понравилась наша сторона?

— Да что, — говорю, — хорошая сторона, луга зеленые, трава густая, хорошая.

— А тебе, — говорит она, — тут хорошо?

— Да хорошо было бы, — говорю, — кабы мог двигаться. А то вот, видите, мучаюсь, мучаюсь, а веревки проклятых никак с себя не скину.

— А знаешь ты, — спрашивает, — что это на тебе за веревки?

— Ну, — говорю, — веревки, канаты! А что?

— Глупый ты, — говорит, — потому и не знаешь! Слепой ты, оттого и не видишь. Это, сердечный, хозяй-

ские руки, хозяйская хитрость тебя опутали. Вот посмотри, здесь теперь всюду пусто, а вначале тут народу много бывало. А знаешь, где они теперь?

— Нет, — говорю, — не знаю.

— Ну, так идем со мной, я тебе покажу.

Пошел я с ней. Уже и своих пут не чувствую. Иду. Смотрю, а передо мной у самых ног — колодец; такой глубокий, темный, страшный, даже мороз у меня по всему телу прошел. А из колодца так нефтяным духом бьет, что, господи твоя воля, и выдержать невозможно.

— Тут они, — сказала женщина, но теперь как-то грозно. Я пуще перепугался.

— А знаешь ты, кто их сюда отправил? — спросила она.

— Нет, не знаю.

— Я.

— Вы? А кто же вы такая? — спросил я.

— Так ты меня не знаешь? Ну, так знай. Я — Душительница. А знаешь ты, кто теперь пойдет в эту западню?

— Нет, — говорю, — не знаю. — А сам дрожу, как осиновый лист.

— Ты пойдешь! — крикнула она, да как толкнет меня в колодец.

— Господи! — вскрикнул я, падая, и проснулся. А, чтобы ты пропала, проклятая, осиновый кол тебе в спину! Христос его знает, что он значит, этот сон? .

V. В глубину!

Ну, так завязывай канат поживей! Да покрепче, любезный, а то как сорвусь да упаду, — беда тебе будет!

Ну, чего смеешься, дурень? Лучше посмотрел бы, в порядке ли насос, хорошо ли воздух качает? А лампочка где? Думаешь, у меня кошачьи глаза и я без лампочки буду видеть на такой глубине? (И верно, глубина, — господи! Волосы шевелятся, как глянул вниз! Бррр! А как темно! А какой дух оттуда бьет!.. Пресвятая богородица, помилуй! Сначала трудно, потом человек привыкнет!)

Ну, и дурак! Зачем ворот отпускаешь? Не видишь разве, что я еще с краю стою? Дай в бадье хорошо стать,

не спеши! Подай сюда кирку! И заступ здесь, хорошо! Топор и долото надо будет в руки взять! Ну, пошел! Да медленно верти, слышишь? Медленно! А как зазвоню, — вытаскивай живо! (Кто знает, что с человеком может стать? Чуть что, сейчас же зазвоню! Черт бы побрал этот канат! Какой, собачья душа, тонкий. А я хлопец не из легких; что, как лопнет на полпути? Эх, да ведь Иван тяжелей, а под ним не лопался!) Ну, с богом! Верти!

У-у-у! Как качает! Где, что, как, что со мною? Темно в глазах, сруб чего-то завертелся, что это он так быстро вверх летит?.. А что там, наверху? Не то канат заело или что другое случилось, отчего меня не спускают?.. Почему здесь, в колодце, ветер дует, а наверху его не слышать?.. Господи, как темно, как страшно! А где же дно? Нет его...нет! Одна темнота и угар! Какой воздух спертый! Как тяжело дышать! И почему они не качают воздух?.. У, какой ветер снизу, какой ветер, все кружится, летит... Правду сказал Матвей, страшно!.. Где я? Уж так давно лечу, а все дна нет! Да уж и лампочка — одна слава, что горит. Где дно? Господи, они ввали, это неправда, что колодец в пятьдесят саженей глубиной. Я за это время уже четверть мили пролетел... Ох, как сердце колотится! Что со мной будет? Теперь, если начну задыхаться, так пока меня вытащат, десять раз окачурюсь!.. Пресвятая богородица, помилуй! Святой Никола, не дай погибнуть!.. Нет, нет! Я лечу! А как скоро! Дух захватывает!.. Кровь ударяет в голову. А дна все нет. Все сруб — бревна да бревна. А что, ежели воск надавит на них, вырвет и завалит меня сверху? Не с одним так случалось. Вот из нашего села Сень Яцыхин так погиб. В лепешку раздавило... Святый боже, не дай грешной душе погибнуть!

А это что со мной? Лечу еще? Нет, будто остановился. Посветить... Я на дне! Слава тебе, господи! Вот оно — дно, дно!

Ой, какая высота надо мною! Мороз пробирает... А это что? Там ночь уже? Какое небо темное... Вот тебе раз, свечи это или в самом деле звезды на небе видать?.. Ведь еще утро было, когда я спускался. Отчего звезды видны? А может, это мне мерещится?.. Сгинь, наваждение!..

Как здесь тесно! Как здесь темно, душно, страшно!..

Моя лампочка, словно сдавленная тьмой, еле-еле мерцает. А что это здесь темное, как печь, будто вход в лисью нору?.. это и есть штольня?.. Как же в нее лезть, а работать как в ней? Господи, да тут придется горбуном стать, пока меня угаром задавит.

Э, нет! Дальше она пошире. Начинаешь привыкать к потемкам. Ей-богу, у человека будто кошачьи глаза отрастают. Видать, Иван здесь позавчера копал. Тут, видно, и мне становиться. Гм, а кто знает, скоро ли воск покажется?..

Гм, за работой словно и не так страшно. Надо всю работу, хотя, ей-богу, для такой собаки-хозяина не стоит и раз киркой ударить. Пусть знает, как бедному работнику урезывать плату! Однако вижу, лучше, когда двигаешься. Только тяжело очень, душно, ох, как душно!.. Почему они там, эти дурни, плохо воздух качают?..

Какой Матвей дурень, а хвастун!.. Умею ли крепить? Эх ты, дурень! Хотел бы я знать, чьи крепления лучше — твои или мои? Найди мне такую силу, чтобы с моим креплением справилась!..

А как он меня стращал! Думал — испугаюсь! А я тут, как дома... (А все же тяжело!.. Гм! И мороз то и дело по спине проходит. Но это пустое!)

А ну, кирка! У тебя клюв острый, у тебя зуб железный, как у бабы-яги... (Почему они так плохо воздух качают, мне все тяжелей!..) А ну, приятель, покажи свое искусство! Раз-два-три! Бумм!.. Что это так загудело? Первый раз, как в подушку ударил. Глухой звук был! А теперь загудело, будто в пустой бочке. А ну, еще раз. Гудит, еще громче гудит. Что такое?.. (Эге, это у меня в ушах шумит! Это ничего. Почудилось. Но почему сердце как молотком в груди — тук-тук-тук?.. А кровь, чувствую, в голову ударяет...)

Нет, ничего. Вот тут надо еще прокопать малость, а потом буду дальше крепить. Как чудно топор блестит при лампе! Словно беда смеется, кажет свой железный зуб. Тьфу ты, сгинь, пропади!..

А с этим бревном что? Тоже гудит? Или стонет, будто при смерти?.. Чудно в этой штольне!.. Точь-в-точь так же выглядел колодец, куда меня нынче во сне столкнула Душительница. Душительница! Что ж? Может, в самом деле такая есть, которая душит нефтяников? А может, я подкапываюсь в ее подземное царство, поэтому так стена и гудит?..

Господи! Что такое? Будто кто-то схватил меня холодной рукой за шею! Хочу обернуться — не могу! Хочу вырваться — не могу! Не могу, не могу!..

— Кто тут?.. Ох, это ты? Что тебе нужно?.. Душительница, что тебе нужно... от меня?

Дзинь-дзинь-дзинь! Спасите! Спасите! Дзинь-дзинь-дзинь!.. Спасите!

.....

VII. Душительница и ее царство

Целая неделя! Боже правый, а мне казалось, что и суток не прошло! А где я побывал, что видел! Сто лет рассказывать, а всего не расскажешь! И что это: снилось ли мне, или в самом деле я куда летал, — вот этого не скажу! А все-таки мне думается, что это правда. Ведь все это я видел, вот как вас. Ну, а вы говорите, меня вытащили бездыханного, неживого, так, так... Говорите, после того, как меня оттерли, я целую неделю в горячке лежал? Диво дивное, и только. Матвей, почему ты не сядешь? Садись вот тут, а ты, Марунька, поближе, здесь, возле меня! Так. Я вам расскажу, что я видел.

Вы знаете, как я спустился в колодец. Ну, страшно было сначала, трудновато, но все это пустое. Я начал копать, крепление поставил, копаю. Мне все тяжелее, все что-то будто на грудь давит, и сам не знаю, что со мной. Стараюсь, работаю, а в голову всякая чертовщина лезет, басни, каких наслушался в детстве, потом вспомнил, будто женщина есть такая — Душительница... Как раз в ту ночь она мне снилась. Только вспомнил — и вдруг чувствую, прямо чувствую: кто-то хватить меня за шею, да такой холодной рукой, такой холодной, как

лед. Я так и застыл. Хочу обернуться, а не могу. Все-таки как-то повернул голову. Боже милостивый, она самая — Душительница, стоит передо мною. Точнехонько такая, как во сне видел. Говорит мне, да так сердито, отрывисто:

— Что тебе тут нужно?

Я перепугался насмерть. Ни слова не могу выговорить.

— Мало тебе того, что я показывала ночью? Помнишь? Тогда я тебя простила, но теперь кончено! Поздно! Ты мой!

Я чувствовал, как моя рука судорожно старается схватить бечевку от звонка, — она тут, рядом со мной болтается. Куда там, я был, как скованный. Чувствовал еще, что стараюсь крикнуть «Спасите!», но голос застрял у меня в горле. Что-то давило мне на грудь, точно камень тяжкий или что-то еще.

— Нет, милый, — говорит Душительница, — и не старайся. Напрасный труд! Кто мне в руки попался, того уже не отпущу никогда! Ступай за мной.

Взяла меня на руки и понесла.

Мне стало как будто легче. Я уже мог повернуть голову и осмотреться.

«Что за чудеса! — думаю. — Тут, где я только что два-три раза кайлом ударил, теперь такая широкая яма, хоть пару волов через нее веди».

А Душительница прямехонько несет меня в эту яму. Темно, холодно... Летим, летим долго. Тихо всюду. Я тут расхрабрился и спрашиваю:

— Куда вы меня несете?

Не отвечает. Опять молчим. Потом спрашивает:

— А сколько тебе лет?

— Двадцать три, — говорю.

— А есть у тебя отец, мать?

— Есть, — говорю.

— Богатые они, зажиточные?

— Нет, — говорю. — Разве полез бы я в этот ад, кабы не нужда да не необходимость. Знаете, человек жить хочет, какое бы горькое житье не было!

— Ага, — говорит она. — Так тебе жить хочется?

— А кому бы не хотелось? Хочется.